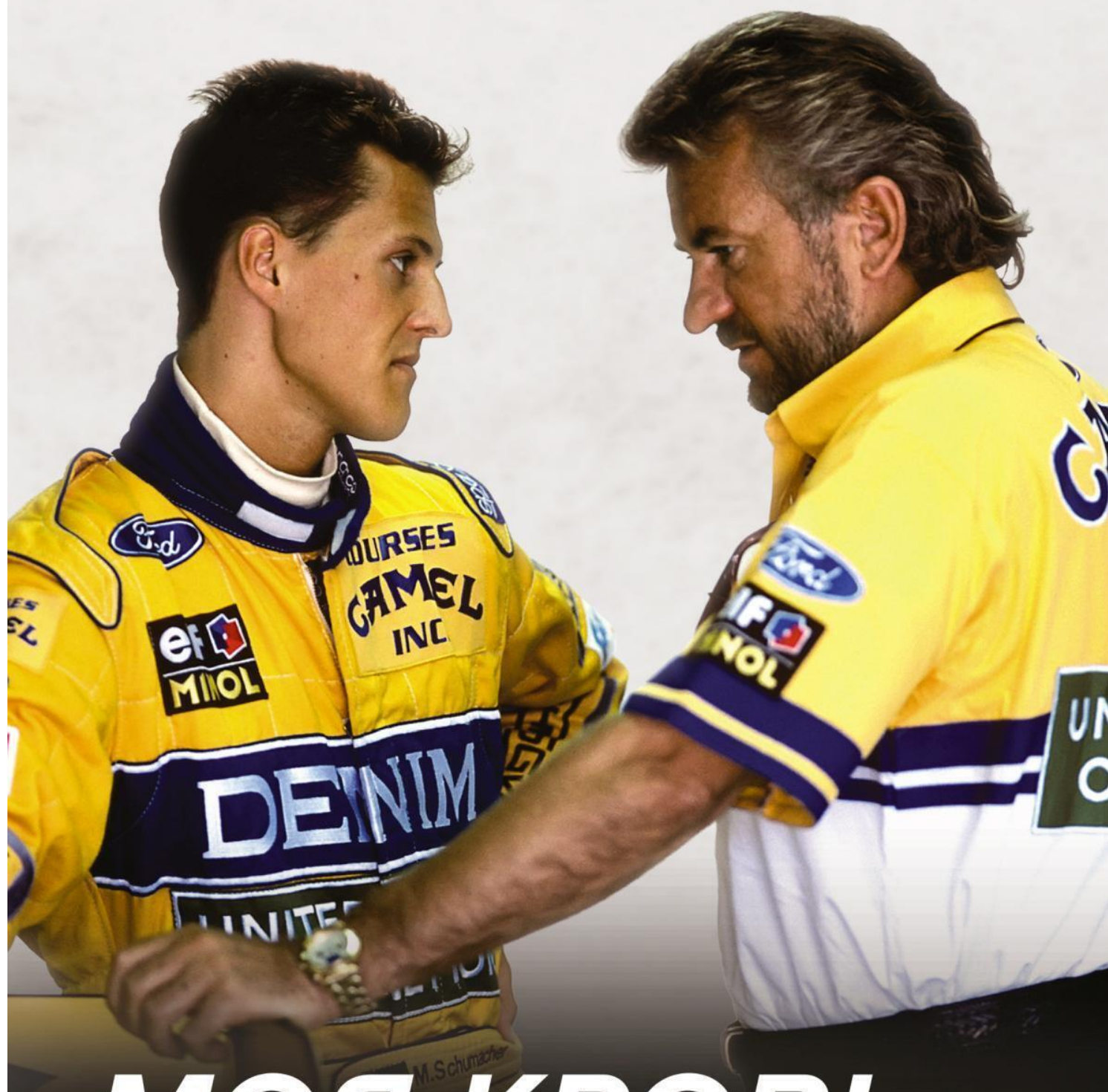

Вилли Вебер

МОЯ КРОВЬ — **БЕНЗИН**

Автобиография менеджера Шумахера

Спортивные легенды

Вилли Вебер

**Моя кровь – бензин.
АВТОбиография
менеджера Шумахера**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 796.7:929
ББК 75.721.5

Вебер В.

Моя кровь – бензин. АВТОбиография менеджера Шумахера /
В. Вебер — «Издательство АСТ», 2021 — (Спортивные легенды)

ISBN 978-5-17-147053-1

За каждым успешным мужчиной всегда стоит... сильный менеджер. Два десятилетия Вилли Вебер занимался делами, пожалуй, самого знаменитого гонщика в мире – Михаэля Шумахера. Вилли Вебер в своей жизни перепробовал множество занятий: чистил картошку в подвале замка, возил африканского дипломата, продавал часы и алкоголь и даже превратился в ресторатора. Но главной страстью в его жизни были автомобили: он торговал ими, гонялся на них, и в итоге они привели его в «Формулу-1».

Серый кардинал Берни Экклстоун, рок-звезда «Ф-1» Флавио Бриаторе, каменнолицый Рон Деннис, элегантный Жан Тодт, эксцентричный Эдди Джордан – «королева автоспорта» той поры напоминала настоящий аквариум с пираньями. Со временем Вилли Вебер почувствовал себя в нем как рыба в воде и теперь делится забавными байками из паддока. Вы узнаете, как он познакомился с юным Шумахером, тайну перехода Михаэля из Jordan в Benetton и почему он предпочел Ferrari команде McLaren, а также увидите в действии пару хитрых менеджерских приемчиков. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 796.7:929
ББК 75.721.5

ISBN 978-5-17-147053-1

© Вебер В., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От автора	7
Предисловие	8
Пролог	9
Ты и есть Шумахер?	9
Часть 1	10
Я знаю, что чудо однажды случится	10
Божье творение или папино слово	12
Коррида в замке Фридрихсру	14
За решеткой	17
По Бонну на Rolls-Royce	19
О чем забыл упомянуть Детлеф	21
Лотерея с лотка	23
Хлюст из Флориды	25
Балаган	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вилли Вебер

Моя кровь – бензин. АВТОбиография менеджера Шумахера

© 2021 by Bastei Lübbe AG, Köln

© Перевод на русский язык. ООО «Издательство АСТ», 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается моей семье и всем, кто помогал словом и делом

От автора

Это книга моих воспоминаний. Вполне возможно, события, описанные в ней, другие помнят иначе. Это нормально. Я не держу зла на тех, кого подводит память.

Кое-какие детали я опустил из художественных соображений. Кому захочется читать тысячу страниц? Там, где счел нужным, поменял имена. Всех участников событий я постарался изобразить в лучшем свете. Или, скажем так, почти всех. Отдельные дурни получили в моей книге свою порцию славы. Я всегда говорил: глупыми не становятся, глупыми рождаются. Уверяю вас, досталось тем, кто этого заслуживает.

Если где-то, несмотря на тщательную проверку, закралась ошибка, заранее прошу у вас прощения!

Мне 78 лет¹. Нежный и не самый мудрый возраст.

---

¹ 11 марта 2022 года Вилли Вебер отпраздновал 80-летие. – *Прим. изд.*

Предисловие

Был бы Вилли – остальное будет

Я пишу эту книгу, чтобы внести кое-какую ясность: деньги делают человека счастливым, потому что с ними он обретает свободу. Точка. Остальное – обман.

Кстати, мной никогда не двигала жажда заработать. Я был одержим идеей стать успешным. Остальное приходило как бы само собой. Сегодня я тот, кого принято называть состоятельным, у меня в гараже есть все, на чем мечтают поездить молодые и не очень парни. Страсть – вот мой мотор.

Свою карьеру, которую многие считают уникальной, я при желании могу описать несколькими фразами: по реке жизни я шел по пояс в дерьме, со многими знаменитыми мерзавцами здоровался за руку, при этом никогда не забывал о намеченной цели – добиться признания.

Все перечисленное привело меня к успеху. Однако и сделало жестким, о чем я крайне сожалею. Я – наглядный пример того, к чему приводят посещения арабских дворцов, как в «Тысяче и одной ночи», и возможность осуществить любые желания.

Эта книга посвящается всем, кого я обидел на пути к успеху.

Мне хочется показать, какой я на самом деле, – дать слово человеку, скрывавшемуся за образом успешного менеджера.

Я был официантом, водителем, бездомным, продавцом лотерейных билетов, барменом, представителем производителя коньяка, владельцем топлес-бара, работал в магазине ковров, торговал машинами. Обанкротился и восстал из мертвых, продавая свиные ножки и пиво из монастырской пивоварни. Моим хобби, моей страстью всегда были быстрые автомобили – они привели меня в «Формулу-1» еще задолго до знакомства с Михаэлем Шумахером.

Эта книга – моя *автобиография*.

Михаэль был и остается моим лучшим другом. Рядом с ним прошли самые замечательные и самые насыщенные годы жизни. Моя задача – показать читателю, кто же на самом деле этот Михаэль Шумахер, с которым меня связывали 20 лет почти семейных отношений. Осветить страницы его жизни, прежде не предававшиеся огласке, чтобы в глазах и фанатов, и людей, далеких от автоспорта, он предстал таким, каким его знал я. Одним из тех талантов, что рождаются раз в столетие, со встроенным «попометром» – идеальным чувством автомобиля, – при этом покупавшим себе по 20 джинсов одного цвета.

И все-таки это книга не о Михаэле Шумахере.

Это книга о судьбе.

О двух мечтателях – парнишке из Керпена и рестораторе из Регенсбурга, – ставших самым успешным дуэтом в мире «Формулы-1». Кем бы один стал без другого? Судите сами.

Ваш Вилли Вебер

Пролог

Ты и есть Шумахер?

«Зальцбургринг»

Август 1988 года

Все знают эту старинную народную мудрость. Для себя я ее сформулировал таким образом: покажи мне свою прическу, и я скажу, что с тобой не так.

От вида молокососа, взбежавшего в то утро вверх по ступенькам моего моторхоума², я прямо опешил. Так что применение народного мерилка просто напрашивалось.

Эта прическа! Эти вихры! Этот косой пробор! Издали – ни дать ни взять принцесса Диана с плохо уложенной шевелюрой.

А эти усики! Могло показаться, что он где-то их срезал и наклеил себе над верхней губой – так реденько они торчали у него под носом.

Ни за что бы не подумал, что он – тот самый человек, который ездит с предельной точностью, про которого заранее известно, что он выиграет любую картинговую гонку.

Я представлял его себе героем. Этакой копией принца Вэлианта³. Или Роберта Вагнера, сыгравшего эту роль в 1950-х. Помните сцену, в которой Вэлиант побеждает Черного рыцаря⁴? Просто класс.

– ТЫ и есть Шумахер? – вырвалось у меня.

В свое оправдание должен заметить: раньше я видел его только в шлеме. Ему стоило и дальше в нем оставаться, когда мы стали лично общаться.

Этот долговязый раздраженно смотрит на мой палец.

– Ну да. Так и есть...

На секунду воцарилось неловкое молчание. Потом он кивнул и опять:

– Да, да. Это я. Я Михаэль Шумахер.

Ладно.

Что тут скажешь? Стиви Уандер⁵ слепой, но попадает в любую ноту. В конце концов, здесь не подиум. Все идеальным быть не может. Главное, чтобы парень и дальше водил машину как Бог.

И уж если по-честному: то, что у Вэлианта было на голове, прической тоже не назовешь. Издевательство, а не прическа...

---

² Личный фургончик команды (пилота), где можно отдохнуть или жить во время гоночного уикенда вместо гостиницы. – Прим. изд.

³ Герой комикса, созданного Хэлом Фостером в 1937 году и продолжающего выходить и сегодня. Принц Вэлиант (от англ. *valiant* – «доблестный», «отважный») – скандинавский принц из легендарного Туле, который стал рыцарем Круглого стола. – Прим. изд.

⁴ Таинственный рыцарь Круглого стола, который решил узурпировать трон Британии. – Прим. изд.

⁵ Американский соул-певец и композитор. (Здесь и далее – примечание переводчика, если не указано обратное.)

Часть 1

На стартовой решетке

Я знаю, что чудо однажды случится

Регенсбург⁶

Март 1942 года

Думаю, нужно немного рассказать о себе.

Меня зовут Вильгельм Фридрих Вебер. На свет я появился в одном из роддомов Регенсбурга в разгар войны – была среда, 11 марта 1942 года. И хотя этот торжественный момент по понятным причинам не мог быть заснят на мобильник, я практически уверен, что свое рождение я ознаменовал более громким криком, чем моя мать Анна. В семье Веберов она, скорее, была молчуньей. Молчать мама умела так холодно и так долго, что порой озноб пробирал. Мой отец не дал бы соврать.

Над Акрополем развевалась свастика, Пёрл-Харбор уже разгромлен японцами, немецкие солдаты в Сталинграде вот-вот начнут есть собственные подметки. Однако ни о чем таком я, лежа в колыбели, понятно, не знал. Из коричневого радиоприемника сквозь треск и помехи доносился прекрасный голос Сары Леандер⁷: «*Ich weiß, es wird einmal ein Wunder gescheh'n*»⁸.

У меня все шло отлично. Вопреки – или как раз благодаря – тому факту, что моя жизнь началась с небольшой лжи. Ложь, конечно, слишком сильное слово для такого милахи, как я, только-только открывшего свою книгу жизни.

Однако не будем ходить вокруг да около. Я родился вовсе не 11-го числа – это произошло в пятницу 13-го. Но моя мать спутала астрологам карты, подвергнув мое свидетельство о рождении маленькой пластической операции, как только мы остались вдвоем: она исправила тройку на единицу. С тех пор я по паспорту на два дня старше моего биологического возраста. И знаете что? Мне всю жизнь говорят, что я выгляжу как минимум на два дня старше.

Все вокруг были заняты Второй мировой войной. Дядя Хайни наступил на противопехотную мину. В результате он лишился обеих рук и одного глаза. Я все время пытался залезть к нему на колени, чтобы потрогать деревянные протезы, так сильно они мне нравились.

Когда мне исполнилось 18 месяцев, на Регенсбург обрушился град из тысяч американских фугасных и зажигательных бомб. Вместе с дедушкой Йоханнесом мы переехали в Фурт-им-Вальд⁹, в маленький каменный домик. Слишком маленький, чтобы им заинтересовались самолеты союзников.

В дедушке – великолепном мужчине с усами – я обожал все, кроме усов. Из еды у нас в основном были грибы. Грибы с соусом. Соус с грибами. Суп с грибами. Грибы в супе. Десятилетия спустя люди готовы платить большие деньги за то, чтобы питаться так же паршиво, как мы тогда. У них это называется «детокс». Я же зову это голодом. Вероятно, это был единственный положительный момент военного времени: голодный разбоя не боится. Жизнь нужно воспринимать с юмором.

---

⁶ Город в земле Бавария.

⁷ Шведская киноактриса и певица.

⁸ Нем. «Я знаю, что чудо однажды случится».

⁹ Город на границе с Чехией в земле Бавария.

Дедушкин сад был настоящим раем с яблонями, вишнями, айвой и сливами. И самой настоящей, прямо как в Эдеме, ядовитой змеей в смородиновых кустах. Я приручил ее при помощи блюда с молоком – менеджера во мне было видно с молодых ногтей. Это такой первый опыт работы с персоналом. Кроме того, в мои обязанности входило бегать в курятник за свежими яйцами. Так я волей-неволей познакомился с подвидом живых существ, которые так часто попадались мне на пути в «Формуле-1», – глупыми кудахчущими курами.

Любая война однажды заканчивается. Мы с дедушкой вернулись в Регенсбург и сняли угол в нашей старой квартире. Чудо, что она простояла всю войну в целости и сохранности. За исключением нескольких трещин в стене да картона на окнах, все как прежде. Чего не скажешь о соседях: два человека из четырех семей отправились на тот свет. Мой папа тоже поселился по новому адресу – в советском лагере для военнопленных.

В один прекрасный день я увидел то, что навсегда изменило мою жизнь. Нет, это не обугленные стропила, торчащие, словно гигантский рыбий хребет, навстречу голубому небу Верхнего Пфальца. Не разнесенные в щепу мосты над Дунаем. И даже не солдаты, вернувшиеся с войны на костылях, трясущиеся, несмотря на теплую погоду. Я был слишком мал, чтобы удивляться чему-то. И не из тех детей, которые лишаются сна, узнав, что из любимого кролика изготовили перчатки. Сентиментальность не была мне свойственна. Побольше бы таких, как я, и психиатрам всего мира понадобилась бы помощь после общения с их пациентами.

Нет. Я увидел игрушечную машину. Металл алого цвета, открытая кабина, изящный, как у ракеты, кузов. «Вильгельм!» – услышал я. Потом еще раз, погромче: «Вильгельм!!!» А я влюбился без памяти. Я не мог понять, как такая прекрасная, совершенная, уникальная вещица продается в магазине и ее нельзя потрогать. Я упал на пол перед прилавком. Я орал. Стучал кулаками по полу, как Оскар из «Жестяного барабана»¹⁰. Три. Два. Один. Будет моим. Нужно только безудержно чего-то захотеть, тогда обязательно обретешь это.

---

¹⁰ Нем. *Die Blechtrommel* – дебютный роман немецкого писателя Гюнтера Грасса, изобразившего в гротескном виде историю Германии XX века. (См. Грасс. Г. Жестяной барабан. СПб.: Амфора, 2008.)

Божье творение или папино слово

Регенсбург

Апрель 1947 года

Неожиданно вернулся отец. Для человека, прошедшего два года в советском лагере для военнопленных, было бы в порядке вещей немного прийти в себя, посидеть сложа руки. Заодно порадоваться тому, что они у него есть. Но только не для моего отца. Он снова отправился на войну. Понятно, что «войной» он это не называл. У него это называлось «воспитанием». Таким образом, с мирной безмятежной жизнью было разом покончено.

«Что стоит на столе, то и будем есть!» – отныне у нас было заведено именно так. Помню, как я лет в пять, вечно насупленный, ковыряюсь в тарелке, отчаянно силясь разгадать загадку, почему Господь создал коровье дерьмо, но окрестил его шпинатом. Ни в божьем творении, ни в папином слове лучше было не сомневаться. Я это понял довольно рано. Потому что временами мне прилетала затрещина, а то и пощечина. После чего – домашний арест. Честное слово, будь я шпинатом, я бы сквозь землю провалился от стыда за несчастья, которые причиняю детям всего мира.

«Наглец, поганец!» – кричал мне отец, застукав, как я в шесть лет прогуливаю школу. Откуда ему было знать то, что было известно мне, – что все учителя – идиоты? Школа? Для меня оставалось абсолютной загадкой, зачем туда ходить. Я был постоянным участником одиноких прогулок. Снимал утром с крючка ранец, кричал: «Пока!» – и уводил сам себя в лес. Там я разглядывал саламандр, лягушек, сгоревшие танки, пока не наступала пора идти домой.

Оплеухи, порка? Да плевать. Домашний арест? Закрыли дверь – открываешь окно. Борьба за первенство. Вебер-старший против Вебера-младшего. Он не слушал – я не давал сказать.

Наши с матерью отношения напоминали *Bluetooth* задолго до его изобретения: мы общались без слов, без проводов, на расстоянии. Сердцем.

– Как прошел день? – спрашивала мама, глядя на мои грязные коленки и растрепанные волосы.

Я говорил:

– Я гладил кабанов.

А она мне:

– Замечательно, дорогой. Мой руки и садись за стол.

Такое вот общение.

Я всегда говорил: воспитание – это поездка на тандеме, когда оба родителя жмут на педали, поэтому нужно заранее договориться, куда ехать. Я купался в любви мамы, как кнедлик¹¹ в соусе. (Кстати, она превосходно готовила.) В то время как отец упражнялся на мне, словно экзорцист, изгоняющий дьявола, и время от времени избивал в воспитательных целях до синяков. Впрочем, синий – мой любимый цвет.

Между матерью и отцом пробежала черная кошка. Звали ее тетя Бетти. Хотя она мне была такая же родственница, как бабочка-лимонница – лимону. Вообще-то это наша экономка. В ее обязанности входило раз в неделю купать детей. Она ставила меня голым в лохань и мыла дольше, чем мне бы хотелось.

– Убери руки, Вильгельм!

– Нет, я сам справлюсь, тетя Бетти.

– Чего ты стесняешься?

---

¹¹ Отварное изделие из теста или картофеля – национальное блюдо чешской и словацкой кухонь. – Прим. изд.

– Я там не грязный.

Уж такая она была добросовестная, чистоплотная, эта тетя Бетти. Слава богу, в семье Веберов нашелся другой мужчина, который любил, когда его купают, – мой отец. Если вы понимаете, что я имею в виду.

Разумеется, моя мать была не слепая. Как раз наоборот. Однако она обладала особым талантом обходить острые углы, так же как вода обтекает острые камни. За эту и другие интрижки она мстила отцу особым, негромким способом. Мне она жарила нежные, как сливочное масло, стейки, ему – твердые, как подметка, котлеты, которые выскальзывают, если попытаться раздавить их вилкой. И это только один из примеров. Мои родители жили в состоянии холодной войны задолго до того, как Восток и Запад нацелили друг на друга свои пушки.

Зачем я все это рассказываю? Чтобы удержаться в «Формуле-1», нужно иметь акулы зубы. Я отрастил их себе еще в юности.

Коррида в замке Фридрихсру

Июль 1957 года

Мне было уготовано стать топ-менеджером?

Скажем так: успеха добивается только тот, кто готов проигрывать. Или, как говорят американцы: «*Find a new way to mess up*»¹². Если так посмотреть, я в своей профессии с самого начала двигался в нужном направлении. Не было ни одного проекта, где бы я не сел в лужу. Но пойдем по порядку.

В 15 лет я помахал ручкой школе. У меня на руках было свидетельство об окончании восьмилетки. В производственно-экономическом смысле отличный итог – максимальный результат при нулевых затратах. Не могу не упомянуть мой диплом по гинекологии. У нас в саду был отдаленный участок, где стояла палатка. В нее я приводил девочек с улицы для профилактического осмотра. Обследования носили обязательный характер, и соглашались на них необыкновенно охотно.

Маленьких мальчиков часто спрашивают, кем они хотят стать. В ответ можно услышать: «Пожарным!» Или: «Полицейским!» Или: «Крановщиком!» Со мной все было по-другому: в шесть лет я хотел быть уборщиком мусора. Причина очень проста: я заметил, что мусоровоз приезжает лишь дважды в неделю. Соответственно, в остальные дни уборщик свободен. О чем еще мечтать! Конечно, спустя годы я подкорректировал свои карьерные планы: по-прежнему мусорщик, тут без вопросов. Но через полгода мусоровоз должен принадлежать мне...

«Пойдешь учиться банковскому делу», – распорядился отец. Я и банк? Любой, кто меня знает, подумал бы: что за абсурд. Разве только грабителем. Хотя глупо думать, что грабитель приходит с улицы. Он сидит в окошке, любому ребенку это известно.

«Тогда хотя бы электриком!» – бранился отец. И на сей раз никаких возражений. Меня устроили по блату в магазин телерадиодеталей. Моим первым заданием была сортировка резисторов. Вообще-то работа как раз для меня, уж если я в чем и знал толк, так это в сопротивлении. Однако очень скоро я понял, что у моего начальника сдвиг по фазе. Как и положено электрику.

– Что шеф высыпал на пол, то и сортируй, – проворчал он и вывалил мне под ноги ящик радиодеталей. Я сидел и разбирал их, как Золушка чечевицу: получше – в горшочек, похуже – в зобочек. А потом подумал, как же жарко! Самое время искупаться в открытом бассейне! Сказано – сделано. Я ведь по зодиаку типичные Рыбы: или хочу, или не хочу.

«Ты меня опозорил!» – рычал отец, когда я вернулся из бассейна домой. Свои пощечины я заработал, зато тема «Вилли-электрик» была закрыта. Спустя несколько дней я сидел в поезде, который направлялся в замок Фридрихсру, где мне предстояло стать специалистом гостиничного дела. Так решил мой отец и опять подключил свои многочисленные контакты.

Замок Фридрихсру – живописное здание в стиле барокко XVII века, прежде служившее увеселительной охотничьей резиденцией, недавно было переделано в отель. Расположен он в двух часах езды на поезде от Ульма, в швабской глухомани. Ближайшие метрополии: Неккарзульм, Кюнцельзау и Эринген. Я занимал крошечную комнату, в которой были стол, кровать и крючок для одежды за дверью. Повесить мне на него было особо нечего. Во время одного из своих легендарных приступов ярости мой отец схватился за ножницы и выстриг дыры на моих любимых брюках и джемпере. Я бы сказал, в семье Веберов до конца не было понятно, кто взрослые, а кто дети.

---

¹² Англ. «Найди новый способ облажаться».

Говорят, путь к успеху тернист – в моем случае он был выстлан овощами. Я сидел в подвале замка, чистил картошку, а из транзистора Катерина Валенте¹³ в это время пела «*Wo meine Sonne scheint, da kann man der Hoffnung Glanz und der Freiheit Licht in der Ferne sehen*»¹⁴. Если, по мнению шеф-повара, я работал недостаточно быстро, в меня летел нож. Как в цирковых номерах, когда какого-нибудь бедолагу пристегивают к крутящемуся диску, а рядом с его головой вытекают сабли. Только мой шеф-повар был не метатель ножей, а холерик.

Новая страница моей жизни началась в тот момент, когда свой кухонный фартук я поменял на черный костюм с бабочкой и переместился из подвала в ресторан. Это как если бы Виннету¹⁵ натянул свои знаменитые штаны с бахромой, а Робин Гуд – зеленые лосины. Это мой стиль! Впервые во мне зародилось понимание того, кем бы я хотел быть.

Одним из наших завсегдатаев, заказывавших черепаховый суп «а-ля леди Керзон»¹⁶ и мороженое *Fürst Pückler*¹⁷, был хорошо одетый господин средних лет с редкими волосами и очками с толстыми стеклами, Феликс Ванкель. Тремя годами ранее он изобрел мотор, в котором энергия сгорания топлива целиком преобразуется во вращательное движение. Я наблюдал за Ванкелем очень пристально: за тем, как он делает заказ, жестикулирует, как пускает в воздух голубоватые колечки сигарного дыма, – я хотел быть таким же. Думаю, мне впервые чего-то захотелось по-настоящему.

Ванкель часто бывал у нас вместе с другими важными господами, пускающими дымные колечки, все они выглядели, как Конрад Аденауэр¹⁸: строгие черты, густо напояженные волосы. Я быстро выяснил: это менеджеры. Из компании *NSU*¹⁹ и автоконцерна *Auto Union*²⁰. Две фирмы, несколько лет спустя объединившиеся в транснациональный концерн *Audi*. То, что мне удавалось уловить из разговоров этих людей, когда я проходил мимо, напоминало краткие курсы по бизнес-администрированию: необходимо какое-то изобретение, а к нему нужен толковый менеджер. А главное: ни то ни другое ничего не значат без маркетинга.

Время от времени, что тут скрывать, мне приходилось обслуживать и дураков. Сидит однажды хлыщ и читает своей цыпочке вслух десертную карту: «*Crêpes Suzette*»²¹ в апельсиновом ликере, что ты думаешь?» Правда, он произнес не «креп Сюзетт», а «кребс²² Сюзетте». На что его спутница отвечает: «Ох, не знаю, дорогой. Мы уже дважды заказывали рыбу».

Жизнь мальчика Вебера потихоньку налаживалась. Мое жалованье в отеле составляло 20 марок. Раз в месяц я брал деньги, ехал за семь километров в Хайльброн и закатывал настоящую вечеринку. С ростбифом с луком и жареной картошкой. Я курил. Естественно, сразу начал с самых крепких, без фильтра. Когда заканчивалась пачка, я думал, что и мне конец. Иногда я чувствовал себя настолько дерьмово, что думал о смерти. Сколь быстро началась моя карьера курильщика, столь же быстро она и завершилась. Мне кажется, во мне жил такой надзиратель, у которого все должно быть под контролем.

Что делает корова, когда у нее все просто замечательно? Отправляется на тонкий лед. Алфавитная истина. Я прожил в замке Фридрихсру почти два года. Но в один из вечеров я решил

¹³ Итальянская певица, популярная в 1950–1960-х годах.

¹⁴ Нем. «Где светит мое солнце, вы можете увидеть сияние надежды и свет свободы вдалеке».

¹⁵ Вождь племени индейцев-апачей, главный герой книг немецкого писателя Карла Мая. – Прим. изд.

¹⁶ Черепаховый суп с добавлением шерри (белого крепленого вина).

¹⁷ Нем. «Фюрст Пюклер» – мороженое, состоящее из трех слоев, известное также как неаполитанское.

¹⁸ Немецкий политик, обер-бургомистр Кёльна (1917–1933). После прихода Гитлера к власти ушел со всех постов. После Второй мировой войны Аденауэр стал первым федеральным канцлером Федеративной Республики Германия (ФРГ) (1949–1953), при этом занимал твердую антикоммунистическую позицию. – Прим. изд.

¹⁹ *NSU Motorenwerke AG* – была самым крупным производителем мотоциклов.

²⁰ Германский автомобилестроительный концерн, созданный в 1932 году. Логотипом *Auto Union* стал символ из четырех перекрещивающихся колец, символизирующий четыре материнские компании: *Audi, DKW, Horch* и *Wanderer*. – Прим. изд.

²¹ Крепы – тонкие французские блинчики. «Сюзетт» подаются с апельсиновым соусом.

²² Нем. *Krebs* – «рак».

зайти в гостиничный сарай, в котором держали коз. Признаю: малыш Вилли употребил пивка. Чем-то ведь нужно было заменить никотин. Только я перепрыгнул через забор, как папа-козел направил на меня рога, словно испанский бык. Я залез на дерево. Об остальном умолчу.

Директор отеля вызвал мою мать. В тот же день мне пришлось собрать чемоданы и покинуть Фридрихсру. Козлы – мой крест. Но тогда я этого еще не знал.

За решеткой

*Vielen zur Genesung
Einem zum Gedächtnis²³*

*Шварцвальд
Октябрь 1958 года*

Выгравировано на камне над входом в замок-отель Бюлерхёе. Это роскошное сооружение с видом на Рейн, расположенное менее чем в 20 километрах от Баден-Бадена. Ну что, добро пожаловать. Предполагалось, что здесь я должен завершить свое обучение гостиничному делу. Мой пожилой родитель снова подключил свои связи. Разумеется, для начала в очередной раз слетев с катушек, куда без этого. Каждый развлекается по-своему.

Отель был известен в том числе специально оборудованной зоной для загорания нагишом. Жаль, никто не пользовался этой возможностью. Да и в остальном Бюлерхёе стал для меня абсолютным разочарованием: я жил в подвале, непосредственно рядом с котельной, директор был высокомерным идиотом, возомнившим себя новатором в гостиничном деле. В такой обстановке я не мог ни работать, ни проявить свои лучшие качества. Как там говорил Аденауэр? «Для продвижения вверх есть два пути: приспособиться или воспротивиться». Едва приехав, я снова упаковал чемоданы и отправился на ближайшую автобусную остановку. Хотел ли бы я, чтобы у меня был такой же сын? Нет, конечно. Я же не сумасшедший.

Уж не знаю, каким образом, но мне подыскали местечко в школе отельеров в Юберлингене²⁴. Одного моего соседа по комнате звали Фриц, фамилия не имеет значения. Второго – Герберт.

Мы с Фрицем не особо ладили. У него всегда на все был готов ответ, даже на вопросы, которых я не задавал. И швец, и жнец, и на дуде игрец, к тому же из хорошей семьи. Такое я мог вынести с трудом.

– Вилли, иди сюда! – как-то подозвал меня Фриц. – Наш сосед Герберт каждую неделю снимает на почте пять марок со своей сберегательной книжки.

– И что? – ответил я. – В чем проблема?

– Проблема в том, что он каждую неделю получает пять марок, а мы не получаем!

– Куда ты клонишь?

– Ну соображай уже! – Фриц ткнул меня в бок. – Мы позаимствуем у него сберкнижку, снимем 10 марок и пойдем хоть раз нормально поедим.

Он уговаривал меня несколько дней, наконец я сдался, и пока Фриц ходил с книжкой на почту, я стоял на шухере. В этом месте Фриц решил немного доработать наш сценарий, не обсудив это со мной. Он сразу снял 40 марок. И книжку не положил обратно, как договаривались, а спрятал в моем шкафу. Молодец.

Пересказ дальнейших событий не займет много времени: Герберт заметил пропажу, побежал к отцу. Тот пошел в полицию. Полиция пришла к моему начальству. Нашу комнату обыскали. Сберкнижку нашли, служащего почты привлекли в качестве свидетеля:

– Да, я очень хорошо его помню! Такой паренек с соломенными волосами. Рост примерно 1,80. Нордический тип. Симпатичный. Все время ухмылялся.

---

²³ Нем. «Во здравие многих и в память об одном».

²⁴ Немецкий город на берегу Боденского озера неподалеку от Швейцарии.

Телепередачи *Aktenzeichen XY... ungelöst*²⁵ и обращений к общественности о помощи в поисках преступника тогда еще не придумали. А составить более точный фоторобот не смог бы никто. Мы должны были понести наказание. Судья вынес приговор о заключении нас под стражу на два дня в тюрьму для несовершеннолетних: «Чтобы вы оба снова встали на правильный путь! В тюрьму явиться в рабочей униформе!» Сказал и припечатал молоточком.

Рабочая униформа? Фриц учился на повара, я – на официанта. Собственно, это могло означать только одно: он придет в клетчатых штанах, белом кителе и колпаке, я – в черном костюме с бабочкой. В таком виде мы и явились в тюрьму.

«Эй, Фред, у меня тут два придурка в карнавальных костюмах. Что с ними делать?» – надзиратель был совершенно замотан и первым делом схватился за телефон, чтобы посоветоваться с начальником. При этом он постоянно чесал в затылке. В конце концов нас отвели в камеру, где нам предстояло провести худшую ночь в нашей еще молодой жизни. Худшую, потому что мы все время хохотали. Над дурацким лицом дурацкого охранника. Над нашим чванливым шефом. Над важным судьей. Пусть катятся.

Мы должны встать на правильный путь.

Ладно, встали.

Но тот ли это путь, который имел в виду судья, – вряд ли.

---

²⁵ «Дело № XY не раскрыто» – телевизионная программа на канале ZDF.

По Бонну на *Rolls-Royce*

Бонн

Октябрь 1960 года

По окончании учебы я переехал в Бонн, молодую блистательную столицу, где устроился официантом в «Белого слона» – лучший из ресторанов города. На дорогах царил настоящий автомобильный хаос. Добраться на машине до другого конца Бонна было труднее, чем до Кёльна. Все из-за широких, зачастую без шлагбаумов, железнодорожных путей, которые были проложены по центру и делили город пополам.

Вскоре у меня появились постоянные клиенты, в числе которых – один джентльмен, вероятно, африканский дипломат. Чаще всего он приходил в сопровождении свиты: человек 10 в кафтанах и тюрбанах, и все они набрасывались на наше фирменное блюдо – зауэрбратен по-рейнски с кнедliками в изюмном соусе²⁶.

Мы с его превосходительством довольно быстро нашли общий язык.

«Эта работа не для тебя», – сказал мне посол, пока я жестами объяснял, чем занимаюсь. Расплачиваясь, он отеческим жестом придвинул ко мне свою визитную карточку: «Позвони мне».

Так я стал личным водителем. А моим новым местом работы – импозантная черная тачка со скрипучим кожаным салоном и выдвижными ступеньками по бокам, в которую можно было сесть не нагибаясь. Подстать была и зарплата, которую мне предложил посол. За то, чтобы я служил мальчиком на побегушках и был доступен 24 часа в сутки. Но вместо того чтобы экономить, я в первый же месяц купил в долг алый *Porsche Speedster*.

– Как эротично! – охали девочки в баре, где я после работы стоял у стойки и хвастался своей должностью в африканском посольстве. После пары кружек пива обычно начиналось:

– А прокати нас на машине!

– Без вопросов, девчули, устроим веселую прогулку!.. – сказал я как-то вечером, икая и еле ворочая языком: кто откажет таким красивым девочкам.

Вилли сказал – Вилли сделал. И вот я веду машину, битком набитую смазливymi барышнями, еду в черепашьем темпе по ночному Бонну. Опасаюсь помять кузов. Девочки между тем обнаруживают электростеклоподъемники и опускают окна. Вытаскивают свои голые ноги и покачивают ими в такт «*A one, a two, a three, a four! Sugar-Sugar-Baby, oh-oh, Sugar-Sugar-Baby!*»²⁷. При появлении прохожего девочки, словно синхронистки, начинают болтать ногами и кричать: «Ау!»

Красота.

Фотограф местной газеты тоже так решил и нажал на кнопку своей камеры. Бонн, конечно, столица, но при этом деревня, так что наши вечеринки на колесах не остались без внимания.

«Вилли, тебя к шефу!» – услышал я, когда на следующее утро с похмелья появился в посольстве, обвешанном изнутри шкурами зебр, львов, гепардов и антилоп. В этих стенах упокоился целый зоопарк. Его превосходительство сидел за столом, перед ним – газета с посольской машиной на первой полосе.

– Вильгельм, ты знаешь, что ты мне нравишься, – сказал он мне с искренним сожалением в голосе. – Однако, учитывая обстоятельства, я не могу дальше держать тебя здесь. Оставь ключи на столе и покинь здание.

---

²⁶ «Кислое жаркое» из разных сортов мяса, подается под сладковатым соусом, в том числе с добавлением изюма.

²⁷ Один из хитов Петера Крауса 1958 года.

Беда не приходит одна. Как это верно! Словно Господь Бог, вооружившись огромным тюбиком клея «Момент», прилеплял одно несчастье к другому, сооружая для меня прекрасные длинные бусы. Потому что, едва потеряв работу и притащившись домой пешком, я обнаружил очередную досадную неприятность: исчез мой *Porsche*. А с ним – ключи и документы, которые я вообще-то хранил в супернадежном тайнике. Среди трусов.

Я сразу призвал к ответу мою хозяйку Вилму, женщину чуть за 30, в одиночку воспитывавшую сына Винфрида, который был необыкновенно похож на меня. Маленький прохвост тоже не знал, куда его вывезет кривая. Быстро выяснилось, что машину он загнал одному торговцу в Дюссельдорфе, деньги спрятал и навсегда исчез где-то в Иностранном легионе. Гад такой. Во мне все кипело.

– Тогда *ты* вернешь мне деньги! – я требовательно посмотрел на Вилму.

– С чего это? – ледяным тоном возразила она.

Я задохнулся от возмущения.

– Ну потому что это *твой* сын и *ты* несешь за него ответственность!

– Серьезно? – Вилма сложила губы трубочкой. – Может, мне еще в няньки податься? Винфрид – большой мальчик, сам должен знать, что делает. А тебе нечего было ключи разбрасывать.

– Да что ты говоришь! Ну ладно! Пеняй на себя... – я с трудом держал себя в руках. – Я заявлю на паршивца в полицию! Увидишь, что будет!

Хороший был рык, львиный. Вот только идти в полицию в моем случае было не самой лучшей идеей: добрая Вилма с самого первого дня, как я к ней переехал, была очень отзывчива. И постороннему человеку несколько странно было бы читать протокол допроса, в котором написано: «А кроме того, мы все время кувыркались в постели, господин следователь».

Так что лучше уж никакого заявления. Я решил записать все в статью «Расходы на образование».

Когда я в следующий раз пришел домой, мои чемоданы уже ждали меня перед дверью. За добро не жди добра. Вилма должна была бы целовать мне ноги за то, что я уберег ее сына-балбеса от тюрьмы. Вместо этого она меня выставила.

Как там говорится? Сначала просто не везет, потом крупно не везет.

О чем забыл упомянуть Детлеф

Бонн

Март 1961 года

Утром – безработный, в обед – банкрот, вечером – еще и бездомный. К этому нужно было привыкнуть. А уж о том, что я остался без любовницы, и вспоминать не стоило.

Ясно одно: мне нужна была работа, и побыстрее. Социального пособия и пособия по безработице *Hartz 4* тогда еще не придумали.

Найти работу оказалось труднее, чем я думал. Придешь устраиваться, спрашивают: «Где вы живете?»; ищешь жилье, интересуются: «Где вы работаете?»

Порочный круг.

Наконец мне удалось устроиться водителем фургона. На какое-то время. К сожалению, при выезде на первую же узкую улицу я забыл, что у меня сзади еще погрузочная платформа, и расцарапал припаркованные автомобили. Так я опять лишился работы.

Следующая остановка – продавец *Skoda* за комиссионное вознаграждение. По моим прикидкам, только 0,01 % немцев были в курсе, что чехи производят не только кнедлики, но и автомобили. Из них 99,9 % относились к покупке *Skoda* весьма скептически. Это все равно что продавать кошачий корм под видом рагу фин²⁸. Шеф выдал мне несколько адресов потенциальных клиентов. Я должен был звонить им в дверь и провозглашать: «Это лучшая машина на свете! Прекрасное соотношение цены и качества», – я ходил и талдычил одно и то же. Ни одного автомобиля продано не было.

Я чувствовал себя вычеркнутым из жизни. Будто во время игры «Музыкальные стулья» убрали мой стул и дальше играли без меня.

Я пошел искать утешение в единственном месте на земле, где мужчине разрешается побыть мужчиной, – в баре. Кабак назывался «Танцевальный пивной бар “У Виолетты”». Уныло сел за барную стойку.

– Эй, приятель, я тебя угощу! – сказал тип, сидевший рядом со мной. Ухмыльнувшись, он заказал мне пиво и бодро хлопнул меня по плечу. Мы сразу стали закадычными друзьями. Тот самый случай, когда без лишних вопросов рождается настоящая мужская дружба, которая длится до закрытия заведения.

– Дерьмовый день? – он разглядывал меня с любопытством.

– Не спрашивай, – ответил я и мрачно продолжил цедить свое пиво.

Звали его Детлеф. Ладно, не он выбрал себе такое имя²⁹. Я сразу наострил уши, как только узнал, что он работает консьержем.

– Слушай, не знаешь, где мне сегодня можно перекантоваться?

Глаза у Детлефа слезились. Возможно, из-за стоявшего в глазах тумана от большого количества пива, которое он каждый раз заказывал по два – «Одно тебе, одно мне!»

Я терпеливо ждал, пока он подыскивал слова, которые где-то в его голове, среди промилле, играли с ним в прятки.

– Слуш... – начал он, – в доме, где я работаю, есь большой подвал, он сроду никому не нужен, там мошш поспать, раскладуху я те принесу...

Икота. Аминь.

Так я въехал в подземное жилище.

---

²⁸ Рагу из белого мяса в белом соусе, подается в качестве закуски.

²⁹ В немецком имеет коннотацию «гомосексуал».

Детлеф забыл упомянуть, что мое пристанище находилось на территории американской секретной службы.

Лотерея с лотка

Бонн

Июнь 1961 года

Иные грабят банки, а я бы обнес мясную лавку.

В животе урчало, когда я на следующее утро с солидным видом поднимался по лестнице из подвала. Никто не обратил на меня внимания. Казалось бы, как хорошо, но все же мне было любопытно: что это за секретная служба такая, которая не замечает, что у нее в подвале бомжует какой-то тип? Секретная служба, у которой секреты от себя самой?

На улице я еще раз перерыл карманы пиджака, надеясь отыскать пару монет. Напрасно. Без работы нет денег, без денег нечего положить на зуб. Нужно отдать должное капитализму: в нем тяжело держаться на плаву, зато легко пойти ко дну.

Позвонить домой и попросить помощи у родителей? Ни за что. Когда я несколько месяцев назад со скандалом хлопнул дверью, я успел бросить: «Да пошли вы все! Я вам еще покажу!»

И теперь моя гордыня была слишком велика, чтобы вернуться оплеванным и просить милостыню.

На улице висели плакаты с рекламой нового фильма Хайнца Рюмана³⁰ «Паршивая овца»³¹. А на рынке Пютцхен требовался продавец лотерейных билетов: «Обращайтесь в павильон 10».

Рынок Пютцхен – это, чтобы вы знали, такой мюнхенский Октоберфест, только не в Мюнхене и не в октябре. Собеседование длилось ровно минуту, этого было достаточно, чтобы ограничить число желающих и обозначить требования к кандидатам.

– Смена с 11 до 11, – буркнул мой новый шеф, не вынимая сигареты из рта. – Вот, надень!

И дал мне что-то вроде фартука, какой носят художники, чтобы не пачкаться краской, и полное ведро лотерейных билетов.

– Вернешь пустое – получишь пять марок.

– Уважаемая публика, лотерейные билеты, покупайте лотерейные билеты! Выигрывает каждый второй билет! – дребезжал мегафон.

«*Tanze mit mir in den Morgen*»³², – доносилось с каруселей.

Кажется, продавать лотерейные билеты по силам любому идиоту. Вероятно, так и есть. Вот только я был не идиот – явный минус в конкурентной борьбе. За прошедшие часы я отстоял себе все ноги и не смог продать ни одного билета, словно торговал тухлой рыбой, в то время как у других парней билеты расходились как горячие пирожки. Выглядело очень подозрительно.

Я подкрался сзади к одному из моих коллег и подслушал его разговор с покупателем. «Вообще-то мне нельзя этого говорить, – шептал он, – это немного нечестно по отношению к другим покупателям, но главный приз в моем ведре!»

Я потерял дар речи. Это нечестно! Да и какой потенциальный покупатель поверит в эту галиматью? «Хорошо, я возьму 10 билетов!» – услышал я в ответ.

Около полуночи я стоял на автобусной остановке с баснословной суммой в 25 марок. С моего первого дня в качестве продавца лотерейных билетов прошло почти две недели, и урок

---

³⁰ Немецкий актер, сделавший головокружительную карьеру при нацистах. – Прим. изд.

³¹ Фильм 1960 года, снятый по рассказам Г. К. Честертона о католическом священнике – отце Брауне. – Прим. изд.

³² Нем. «Танцуй со мной до утра».

я выучил на отлично: не моргнув глазом, обещаю золотые горы, покупатель будет счастлив и придет еще раз. Скажешь правду – он сделает ноги.

Вдруг я увидел двух девочек: одна брюнетка, другая – такая бойкая рыжеволосая в декольтированном дирндле³³, пышная нижняя юбка, начесанные волосы, цокающие каблуки. Я ее сразу приметил. Я дал газу, в конце концов, вечер еще только начался. Чтобы бедняжке пришлось в одиночестве возвращаться домой и плакать в подушку, что я с ней не заговорил? Ну уж нет.

– Прошу прощения, дамы! Не знаете случайно, до скольки здесь ночью открыты почтовые ящики? – так я начал свое супергалантное наступление.

Девушки остановились. Рыжая внимательно на меня посмотрела, потом скривила губы и сказала:

– Отвали! – Развернулась на каблуках и потащила со своей подружкой дальше.

Окей.

Чутье подсказало мне, что ради этой малышки стоит еще постараться. Это как с покупателями *Skoda*: они хотят ее, мечтают о ней, только пока не знают об этом.

– Я не это имел в виду! Извини! Не надо так. – Я побежал за ней, как бездомная собака.

Она остановилась и посмотрела уже с любопытством. Разглядывала мои волосы, которые я покрасил в черный, как Элвис Пресли. Мою ярко-красную вельветовую куртку, которой я очень-очень гордился. И наконец – мое лицо.

– Ты почему такой загорелый? – поинтересовалась она.

– Я только что из Флориды, – симпровизировал я. – С похорон.

Одна бровь у нее поползла вверх.

– Моя подруга умерла.

Теперь полезла вверх вторая бровь.

Я знаю, о чем вы сейчас подумали. И если это вас как-то утешит, я думал о том же. Как можно так легко трепать языком?

Если во всей этой истории кто-то и похоронен заживо, так это я: ночью в подземелье, куда не проникает солнечный свет. Но ведь я не мог ей сказать, что каждое утро наношу тональный крем, чтобы не выглядеть, как вампир. И что каждый вечер воротник моей рубашки вымазан коричневым.

Рыжая растянула рот в ухмылке. Ясно, что она не поверила ни одному моему слову, но я показался ей забавным. Уже кое-что.

– И куда же вы собрались в столь поздний час? – спросил я.

– В «Виолетту», – брякнула подружка.

– Бывают в жизни совпадения! Мне тоже туда!

---

³³ Нем. *Dirndl* – женское платье, стилизованное под традиционный наряд немецких альпийских регионов. Традиционный женский наряд во время Октоберфеста.

Хлюст из Флориды

Бонн

Июль 1961 года

Ее звали Хайдемари: 19 лет, из хорошей семьи, изучала банковское дело, по гороскопу Козерог, довольно своенравная.

На мое предложение «Могу я пригласить тебя в ресторан?» она холодно ответила: «Забудь! У меня есть друг».

В ответ на шутку «Его не Вилли случайно зовут?» я услышал: «Мечтай!»

И когда я с наигранным ужасом воскликнул: «Ну хотя бы кофе? Уж в этом ты мне не откажешь!» – она спросила: «Ты всегда такой трепач?»

Когда тебе 20, быстро влюбляешься и так же быстро остываешь. Но эта женщина меня зацепила.

Вода камень точит.

Хайдемари вняла моим мольбам. Это означало, что теперь я время от времени мог заехать за ней к ее родителям, а затем угостить гуляшом. За столом я изображал успешного пацана. Ни слова о том, что я живу в подвале и зарабатываю на жизнь продажей лотерейных билетов. Все шло хорошо, пока не закрылся рынок Пютцхен.

Был один из вечеров, когда мы с Хайдемари как раз договорились пойти в ресторан. День, как обычно, начался без завтрака. Подружки Хайдемари, как всегда, потешались: «Ну что твой хлюст из Флориды?» А у меня в кармане только 15 пфеннигов.

– Ты знаешь, Хайдемари, я должен тебе кое-что сказать, – решил я, собрав все свое мужество. – Я так дальше не могу. Все это одна большая ложь. У меня нет дома, я безработный. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я голодаю и не знаю, на что жить.

Мы стояли на набережной Рейна, Хайдемари слушала очень спокойно. На мгновение стало подозрительно тихо. Разве что гудки пароходов доносились с реки. Она взяла меня за руку и твердо сказала: «Знаешь что, Вилли? С деньгами мы разберемся». Сказала и исчезла. А когда вернулась, принесла мне карривурст³⁴.

Любовь – это не лотерейные билеты продавать. Я сказал правду, и это открыло мне двери в сердце Хайдемари. Моя исповедь подействовала на нее. Если бы я и дальше разыгрывал перед ней роль успешного парня, мы никогда не были бы вместе. Но женщины, они такие. Спасают шелудивую дворняжку из приюта, а виляющего хвостом породистого кобеля из соседнего вольера оставляют без внимания.

Однако ни один мужчина не желает зависеть от денег своей новой пассии. А я не желал больше спать в подвале. Я пошел на почту, где висит таксофон, переступил через свою гордыню и набрал номер.

– Анна Вебер. Кто говорит?

– Привет, мама, это твой сын.

Признаться, у меня ком встал в горле.

– Ты где? Чем занимаешься? Все хорошо, Вильгельм? Ты не голодаешь?

В ее голосе звучало беспокойство. Мы поболтали, а потом мама вспомнила:

– Слушай, твой школьный друг Удо тебя искал. Он уже трижды звонил и оставил свой номер...

– Ну и? Как сам? – спросил по телефону Удо на следующий день.

– Да блин, хреново, – признался я.

---

³⁴ Обжаренная и порезанная на кусочки сосиска в томатном соусе с карри.

– А у меня очень хорошо! – сказал Удо.

Выяснилось, что он работает в американском баре в Ульме и зарабатывает кучу денег, хоть и работать приходится до поздней ночи.

– Не сделаешь мне одолжение? – спросил я. – Я бы тоже хотел там работать.

– Окей, я поговорю с шефом. Может, ему еще кто нужен, завтра дам тебе знать.

«Если где-то закрывается дверь, где-то в другом месте открывается окно», – гласит народная мудрость. Из подвала секретной службы я выехал настолько же секретно, насколько въехал в него, и сел в поезд до Ульма, чтобы начать карьеру бармена.

Американские солдаты, расквартированные в Ульме, были не дураки выпить, я это быстро понял. Я не успевал смешивать коктейли. Учился готовить «Манхэттен», «Кровавую Мэри» и «Джин-Физ». Оказалось, американских солдат называют *GIs*, это из-за мусорных ведер, на которых напечатано *GI – Galvanized Iron*. Оцинкованное железо. В общем, неважно, как их называли. Пили они, во всяком случае, как русские.

Мне предоставили квартиру с мини-кухней, мой рацион состоял из консервированных равиолей и яиц. Кстати, на вкус не так плохо, как можно предположить. Я позволил себе стащить в баре початую бутылочку с жидким содержимым и этикеткой *Tabasco*. Ох и забористая вещь, елки-палки! Нужно отдать амерам должное: не жвачкой, колой и Элвисом едины, а еще и соусами, которые сойдут в качестве ракетного топлива.

– Скажи-ка, а где ваш басист?

К барной стойке подошел фронтмен группы. Своим набриолиненным белокурым коком он напоминал единорога. В руке у него была первая из 20 бутылок «пива после работы».

– Забудь! Он удрал за тридевять земель, – и пренебрежительно махнул рукой.

– Не жалко. Все равно размазня был, – стал я его утешать. – Кстати, если нужна помощь, скажи. Я играю на бас-гитаре.

У меня через плечо было перекинута кухонное полотенце, сам я с преувеличенным вниманием смотрел в этот момент на только что отполированный стакан.

Ага. Как же. Ложь от начала до конца. Я не играл на бас-гитаре. Только на самой обычной классической гитаре.

Ну и что? Я называю это «творчески обращаться с фактами во избежание среднесрочных проблем с окружающими». Что в этом плохого, скажите на милость? По-моему, правду переоценивают. Это первое.

Второе: Единорог продавал свой коллектив как квартет. Если бы они теперь стали выступать как трио, им бы урезали гонорар. То есть я хороший человек, потому что предложил помощь в трудной ситуации.

И третье: если бы тайное и правда всегда становилось явным, у всех мужиков достоинство бы ороговело. Сколько про это мифов существует.

Так на следующий вечер я оказался на сцене. Это были времена Чака Берри, Билла Хейли, Литтл Ричарда и Чабби Чекера³⁵. Быстрый жесткий бит 4/4.

One, two, three o'clock, four o'clock, rock!

*Five, six, seven o'clock, eight o'clock rock!*³⁶

Один приятель на скорую руку показал мне четыре «блатных» аккорда. Так что сыграть *Hänschen-Klein*³⁷, сидя в полпервого ночи у костра, я вполне был способен.

---

³⁵ Чак Берри, Билл Хейли и Литтл Ричард – американские исполнители, стоявшие у истоков рок-н-ролла; Чабби Чекер – американский певец, популяризатор твиста. – *Прим. изд.*

³⁶ Песня, ставшая хитом в 1954 году в исполнении Билла Хейли.

³⁷ Нем. «Малыш Гансик» – немецкая детская песенка.

Я перекинул через плечо гитарный ремень, принял позу заправского музыканта и вдарил по струнам, как будто закинулся перед этим *LSD*. Нужно упомянуть вот что: время от времени я выключал звук. Гитара снабжена маленьким регулятором громкости – очень удобно. Шуметь все могут, я же в основном устанавливал негромкий звук и играл. Музыку, которую не слышно. Мое изобретение. Единорог со своим ансамблем и без того наяривал так, что отсутствие бас-гитары едва ли было заметно.

Разумеется, если бы ко мне кто-нибудь повернулся, он бы увидел, что я иногда не играю, но никто не оборачивался.

После рок-концерта я приставил гитару к стенке. И вдруг увидел перед собой Единорога. У меня перехватило дыхание.

Он стоял и разглядывал меня.

– Ну, играешь ты так себе, Вильгельм, – и ткнул меня в бок. – Считай, тебе повезло, что амерам нужен только рок-н-ролл.

Он вложил мне в ладонь 50 марок – меня приняли в группу.

Балаган

Ульм

Октябрь 1961 года

Я умирал от ревности и все деньги спускал на телефонные переговоры с Хайдемари. Она осталась в Бонне, и, надо признать, мои конкуренты увивались вокруг нее, как пчелы вокруг цветка. Нередко я представлял себе их хоботки. И мою маленькую Хайдемари, и пыльцу, и *жу-жу-жу*, и *зум-зум-зум*... Ах, да пошло оно все.

Как узнать, что мужчина потерял голову?

Он пишет любовные письма.

Мои сгодились бы в качестве экспонатов для Немецкого музея в Мюнхене, это были настоящие произведения искусства, бесконечные. Перед тем как положить письмо в конверт, я щедро сбрызгивал его средством после бритья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.